Ее сердце бешено колотилось.

Оно билось так сильно, что было готово разорвать грудь.

На ладонях выступил холодный и влажный пот. И напряженные губы Канны мгновенно пересохли.

Александр, молча на нее глядя, напоминал огромную гору, готовую сейчас полностью раздавить.

Давящее чувство пережало ее шею, и ей стало тяжело дышать.

'Как мой отец может быть здесь?'

Сейчас он должен находиться на острове.

С тех пор как она сюда прибыла, всего прошло два дня.

Он не мог так быстро сюда прибыть…

После гнетущего воцарившегося молчания, он протянул руку.

Когда большая рука приблизилась, плечи Канны задрожали.

И он тихо пробормотал.

— Вошла, даже ни капли не побоявшись. А теперь положи.

Затем Канна схватила фонарь. Но его потянули в другую сторону и забрали .

— Если возьмешь его, то на ходу уронишь.

Потому что ее рука тряслась. Александр упустил эти слова.

Она будто бы чувствовала удушье.

— Что ты здесь делала, Канна?

Канна.

Вот дерьмо! Снова до ушей доносился ласковый тон.

По ее коже пробежали мурашки.

— Отвечай.

Канна придала силу скованной шее.

— Извините.

— Что?

— Я случайно сюда попала.

— Тебе виднее.

Канна склонила лицо вниз.

Почти одновременно с этим он коснулся подбородка и его приподнял.

— Не опускай передо мной голову.

Что означало не избегать его взгляда.

Канна слегка повернулась к нему лицом и извинилась.

— Мне жаль. Любопытство надо мной взяло верх, потому я вошла.

— Значит, любопытство.

Александр, отступая, медленно согнул талию.

— Тебе было так любопытно, что ты вошла в эту комнату?

В это мгновение Канна осознала.

Это ловушка.

Она попала в его заранее приготовленную ловушку.

Именно Александр заманил в это место Канну.

Он сказал по-корейски и намеренно подстроил свое якобы позднее прибытие домой.

Заставил прийти в это место, где она захочет раскрыть его секрет!

Но сейчас это было совсем неважно.

Знала она или же нет, ее уже поймал зверь.

— …Отец прав.

Но, попав в ловушку, она не сдастся и станет бороться, пока не умрет.

Каким бы ни был результат, она добьется, что ей под силу.

— Мой отец сказал «ложь». Я пришла сюда, потому что меня пробирало любопытство. Мне очень хотелось узнать значение слова. Вы же этого ожидали?

— Ты лучше знаешь.

Александр не стал отрицать. Он был человеком, которому подобного не нужно делать.

— Я думал, что ты, поняв это слово, обязательно сюда придешь.

Чёрт. Бранные слова так и крутились на языке Канны.

Его ловушка идеально продумана.

Нет, но если бы знала, что он все подстроил.

'Я бы пришла сюда'.

Поскольку его секрет невозможно позабыть и проигнорировать.

Канна указала на портрет.

— Кто этот человек?

Взгляд Александра отражал презрение. И потом он бессовестно ответил.

— Как сказать.

— Этот человек похож на меня, нет, почти копия меня. Словно родитель.

— Если так считаешь, то пусть так и будет.

Получается, что да.

Как и ожидалось. На портрете темноволосая женщина – мать Канны!

Тук-тук. Ее сердце трепетало.

Волнение возросло, когда узнала правду, оставаясь так долго в неведении. Страх постепенно рассеивался, а любопытство неуклонно поднималось.

— Где она сейчас?

— Почему спрашиваешь?

Александр ответил весьма странно и резко.

— Ты хочешь с ней сейчас встретиться?

— Это мне решать.

— Ты не можешь что-либо решать.

В конце концов он заявил, что ничего ей не скажет.

Канна впилась в него взглядом, нервно покусывая губы.

Этот взгляд невозможно объяснить словами, если не увидеть все его свирепство и ярость.

На самом деле, все было, как и в прежние времена.

Когда она в детстве спросила отца о матери.

— Не смей произносить больше это слово.

Не отличалось от того, как он предупредил ее глазами, отражающими ненависть.

Тем не менее она не потеряла свое упорство.

— Скажите мне одну вещь. Тот человек на портрете…еще жив? Или, быть может, уже мертв?

— Смешно.

К ее удивлению, он съязвил.

— Даже если убить, этот человек не тот, кто просто так умрет.

Как ни странно, по его голосу не казалось, что она была бывшей любовницей или возлюбленной. Скорее…

'Врагом'.

— Теперь моя очередь.

Александр протянул руку, вытянув в сторону лампу. Затем появилась стена, будто поднялась пелена тьмы.

На стене висел еще один портрет, который Канна упустила из виду.

— Ты знаешь эту женщину?

Канна перевела взор на портрет.

Слабый алый цвет замерцал и осветил картину.

'Азиатка…'

Очевидно, она кореянка.

И юная.

Примерно двадцать пять или чуть больше? И.

И…

— …

Канна едва не упала.

Потому что это лицо ей знакомо.

— Знакомое лицо.

В голосе Александра почувствовался загадочный восторг, когда он смотрел на дрожащие глаза Канны.

— Ты встречала эту женщину?

— …О чем вы?

— Пока в твоем теле был кто-то другой, я тебя спрашиваю, встречала ли ты эту женщину.

Канна бессмысленно на него посмотрела.

Каждое его слово ударяло тупым концом по ее голове настолько, что ее мозг рушился на мелкие кусочки.

Может, ошиблась…

Но она знала, что нет

Но, отец, как, чёрт возьми?

Нет, подобное вообще возможно?

О чем вообще разговор?

Можно ли рассказать отцу?

Это вообще реально?

Как никогда прежде кончики пальцев ног дрожали от страха. Мурашки взбирались по телу, напоминая крошечных пауков, исподтишка пугающих.

Канна слегка споткнулась и попятилась. И она ударилась бедром о стол.

Путь назад перекрыт.

— Ответь мне.

— Я…О чем говорит отец….

В следующее мгновение он подошел ближе, сократив расстояние.

— Не смей отрицать, что другая женщина заняла твое тело.

Как отец заметил….?

Тогда, когда исчез послеобраз…

Дневник Джу Хвы.

Дневник на корейском языке.

В этом мире лишь Джу Хва могла читать.

Она так думала.

Однако перед ней стоял Александр — доказательство, что она неправа.

— Как отец увидел перемену….

Она не сдержала вопроса.

— У кого вы научились корейскому? И какое имеете отношение к женщинам на этих портретах? Какие между вами отношения? И….

— Не я. На этот раз твоя очередь отвечать.

Александр задал ей вопрос, на который желала получить точный ответ.

И он снова указал на портрет в темноте.

Слабый лунный свет, пробивающийся через окно, падал на портрет азиатки. Он впитался в лицо Сон Хи.

— Ты знаешь эту женщину?

— Не знаю.

Канна сразу опровергла.

Ей подсказывал инстинкт.

Очевидно, что Александр никогда не искал Сон Хи с «добрыми намерениями».

Его враждебность, его ненависть. Эти чувства он питал не только к ее матери, но и к Сон Хи.

Так что она должна защитить ее.

Это важнее всего остального.

— Я впервые вижу эту женщину.

— …

Канна говорила как можно спокойнее и смотрела прямо в глаза Александра.

Насыщенные зеленые очи, как у зверя, скрывающегося в темноте, молча на нее уставились.

В этот момент Канна осознала.

Она своей ложью не обманула отца. Даже на миг.

И он оказался человеком, добившийся истины.

Применявший любые средства.

'Возможно, даже через пытки'.

Тогда сознание к Канне вернулось, и кончики пальцев задрожали.

Закрытая и запретная комната. Комната, кому не разрешено входить. Пока она находится в поле зрения отца, то не может сбежать.

Возможно, отец даже навредит. Даже таким способом, но он добьется истины.

— Я правда не знаю. Эту женщину я вижу впервые.

— …

— По словам отца, в этом теле был кто-то другой. И …да, я переместилась в тело того человека. Мы поменялись телами. И я попала в страну под названием Корея.

Она смешала правду и ложь, дабы он не смог их различить.

— Но там живут много людей. Люди одной национальности могут и не встретить друг друга на протяжении всей жизни.

— …

— Я никогда не встречала эту женщину.

Александр не ответил.

Посмотрев в его глаза, она почувствовала ужасное чувство, будто всю кожу медленно сдирают.

Это лишь стыд и страх того, кого поймали на лжи, и когда противник уже знал о чужом блефе. Но ей все равно приходилось продолжать обманывать…

'…Отец, я очень хочу сейчас уйти'.

После длительного молчания Канна хрипло спросила.

— Прошу, отпустите.

— Я допустила оплошность. Я больше никогда не зайду в эту комнату.

После этого она больше была не в силах что-либо сказать.

Она просто с горечью ожидала ответа Александра.

'Но если он станет меня мучить'.

Он ненавидит ее, и он может заполучить информацию, которой владеет Канна.

'Я захватила с собой средство для самозащиты'.

Благородные дамы обычно носят ожерелья, внутри которых духи.

А у нее было лекарство, вызывающее боль и ожоги на коже. Но сработает ли оно на отце?

Нет, у нее не хватит смелости напасть на своего отца…

— Что ж, хорошо.

А?

— Иди.

Отец отступил в сторону.

И отдал фонарь Канне, стоявшей поодаль от него.

— Зажги в коридоре свет.Там темно.

— Хм…Спасибо.

Канна растерянно взяла фонарь и потихоньку ступила.

Отец вправду ее отпустил.

Не поймал в свои сети.

'Быстрее, быстрее!'

Канна поспешила покинуть комнату, испугавшись, что отец передумает.

И, ступив за порог, она сломя голову побежала.

— Ах…ха…

Канна вошла в спальню, бросила фонарь и упала на кровать.

Схватив одеяло, она задрожала.

Что это было?

Что? Что?

Канна залезла по одеяло и свернулась калачиком.

Что было?

Тот разговор.

Отец.

'Портрет настоящей матери, похожей на меня'.

Отец знает, что Канна и Джу Хва поменялись телами.

Отец также спросил, знает ли она Сон Хи.

Отец, который отпустил, знал о ее лжи.

Он отдал фонарь, нет, все не так.

Отец, отец, отец.

Откуда отец знает? Откуда?

В висках пульсировало. А тело дрожало и дергалось то ли после страха, то ли после шока.

'Сон Хи…'

Канна сжала одеяло. И закрыла глаза.

Сон Хи. Ли Сон Хи.

Очень знакомое имя.

И любимый человек, по которому она скучала.

'Мама…'

Мать Джу Хвы.

Азиатка, нарисованная на портрете, была матерью Джу Хвы.

http://tl.rulate.ru/book/46467/1425301